

Александр Зорич

Повесть о юном королевиче Зигфриде, варваре Конане, вещем драконе...

*Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)*

О Зигфриде

Александр Зорич

**Повесть о юном королевиче
Зигфриде, варваре Конане,
вещем драконе Фафнире и
мудром карлике Альбрихе**

«Автор»

2007

Зорич А.

Повесть о юном королевиче Зигфриде, варваре Конане, вещем драконе Фафнире и мудром карлике Альбрихе / А. Зорич — «Автор», 2007 — (О Зигфриде)

«Повесть о юном королевиче Зигфриде, варваре Конане, вещем драконе Фафнире и мудром карлике Альбрихе» о том, чего не было и быть не могло — если смотреть на вещи через призму нашего исторического знания о Западной Европе V века. Но о том, что многократно совершалось в умах и сердцах людей Темных Веков, о том, что могло бы происходить с Зигфридом по разумению средневекового сочинителя.

© Зорич А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Александр Зорич	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Зорич

Повесть о юном королевиче Зигфриде, варваре Конане, вещем драконе Фафнире и мудром карлике Альбрихе

Когда прославленный герой Конан, прозывавшийся варваром из Киммерии, явился в Нидерланд, отчий край королевича Зигфрида переживал не лучшие времена.

Суровая зима (ее при дворе короля Зигмунда вспоминали, кряхтя и охая, все лето), недород, скотий мор.

Прибавить к этому разброд в умах, застой во внешней политике – ни тебе войны, ни приграничного конфликта, – сочащиеся фурункулы политики внутренней и незаживающие социальные язвы... И даже корифей придворных музык по имени Хорь сорвал голос – отправившись по грибы-ягоды, он завяз в трясине и двое суток кряду звал на помощь, прерываясь лишь для сна и молитвы. Матушка Зигфрида прихворала. Старший брат, наследник престола Атаульф, редкий день бывал трезв...

Словом, выцветшему мирку Нидерланда требовалась живительная встряска. И Бог ее послал.

– Ну, где тут, значит, ваш главный? – поинтересовался Конан, вступая в дворцовый зал для приемов. Дощатый пол жалобно скрипел под его мощными ступнями, обутыми в старообразные римские калиги.

– Как вас представить? – не оборачиваясь, поинтересовался церемониймейстер, он же виночерпий, он же дядька Зигфрида и постельничий Зигмунда (двор жил небогато, на должностях сэкономили).

– Скажите, пожаловал легендарный Конан-киммериец. Нет, лучше так: «Сам Конан из Киммерии, победитель чудовищ и усмиритель демонов». Он должен знать.

В Нидерланде о Конане и впрямь знали. Событиями этот сирий край был небогат, украшался в основном благочестием, а оттого всё, что происходило у южных соседей, вызывало здесь живейший интерес.

Не сказать, что имя Конана гремело, но о том, как Конан спас королеву Фредегунду из лап морского змея, знали все интересующиеся, включая пятнадцатилетнего королевича Зигфрида. Популярностью пользовалась история о том, как Конан расправился с исполинским земляным червем. Не такой, конечно, как история об Иисусе, преданном Иудой, и уж, конечно, не такой, как история о полководце Александре, ходившем за пять морей и выдавшем людей с песьими головами и ртами на животах. И все же, и все же.

Стол накрыли по стандарту «люкс», как для полководца Александра.

Варвар Конан сразу всем понравился. Во-первых, он был широк в плечах, гриваст, отменно мускулист и обладал длинными лопатообразными ручищами, то есть идеально соответствовал стереотипу героя-богатыря.

Во-вторых, многочисленные пороки киммерийца – заносчивая самоуверенность, легко переходящая в наглость с оттенком хамства, его лживость, высокомерие, переменчивость – сквозили через грубые плетения его жестов и суждений так явственно, что выглядели уже не самими собой, но продуктом умышленного и очень умелого актерства.

Казалось невероятным, чтобы достойный муж (каковым свершитель легендарных подвигов Конан считался априори – иначе как бы он их совершил?) и впрямь был таким говорливым выскочкой. Думали, он лишь напускает на себя вид, чтобы казаться проще и человечней, а

может, чтобы, глядя на карикатуру самоуверенного болвана, вживе нарисованную им, подданные Зигфрида утверждались в мысли о превосходстве добродетелей над пороками.

Нидерландцы, впрочем, ошибались. Конан был таким, каким казался. И никаким иным.

Три дня он пьянствовал и обжирался, развлекая челядь Зигмунда байками о сокровищах Офира и Пунта, о коварстве африканских колдунов и любовных похождениях морских ведьм. Засыпал он неожиданно, прямо посреди рассказа, да так и спал до утра, сжав руками виски.

С каждым днем угощение становилось все более скудным – небогатые кладовые Зигмунда стремительно истощались. Когда на четвертый день Конан, по своему обычаю заспавшийся за полдень, обнаружил, что на обед подали вареную чечевицу с мелко порубленными кубиками сала – старого, адски соленого, с прослойками мумифицировавшегося мяса, – он смекнул, что пришла пора переходить к цели своего визита.

– Тут у вас, говорили, дракон есть один...

– Прозывается Фафниром, – отвечали ему домочадцы Зигмунда с льстивыми переливами в голосе. – Живет в потаенной пещере, в горах на острове Гнитайхед.

– Желая видеть тварину!

– Неужто совета будете просить?

– Я? Совета? – недоуменно вытаращился Конан, но потом, словно бы что-то важное сообразив, добавил: – Ну, можно и так сказать, что совета... Завтра же отправлюсь к нему. Вот только проводник мне надобен!

В проводники тут же вызвался королевич Зигфрид, все предыдущие дни бледной тенью скользивший по окраинам Конанова кутежа – спиртное ему еще не позволялось, а на трезвую голову побасенки киммерийца воспринимались неважно, казались вязкими, путанными.

Не то чтобы шумливое, скверное общество Конана королевичу до того нравилось, что он любой ценой хотел продлить его власть на неделю. Причина была другой – Зигфрид и сам уже который месяц собирался к дракону за эпохальным научением, да все не видел для выступления подходящего знака. И вот он! Одним выстрелом – двух зайцев!

Брат Атаульф встретил известие о намерениях королевича ленивой ухмылкой, папаша Зигмунд второпях благословили.

Дорога к обиталищу дракона Фафнира петляла, уводя Конана и Зигфрида все выше в горы, к хребту Глёрбьёрг.

Редели перелески, дряхлая трава, деревца стонали под гнетом ветра и своего сколиоза. Придорожные камни все плотней обрастали лишайниками. С недоумением глядели со своих заоблачных насестов на людишек, которые пыхтели на крутых подъемах, крупные кругогрудые птицы...

В пути Конан был неумолчен – он не давал молодому королевичу и рта раскрыть, ошибочно полагая его парнишкой неразговорчивым и недалеким. А когда спрашивал что-то, почти не слушал ответов. Зато сам охотно предавался воспоминаниям. Но, бывает же, на этот раз Зигфриду понравилось слушать байки Конана. По сравнению с давешними застольными беседами горные рассказы отличали сжатость изложения и чеканный лаконизм суждений. Эффектные идиомы тоже подкупали: «хрен в сумку и два сбоку» – запомнил Зигфрид. Сам же Конан полагал, что именно за столом он блистал, а на горной тропе так, просто чтобы не молчать.

Во время первой ночевки Зигфрид, которого взяла в оборот недобрая госпожа бессонница, долго рассматривал лицо своего спутника с крепким подбородком, точеным, каким-то по-девичьи правильным, носом и капризными мальчишескими губами.

Подкармливая хворостом ночной костер, Зигфрид чувствовал себя трижды настоящим мужчиной.

Первое: ему позволили идти к Фафниру. На полгода раньше срока!

Второе: его спутником стал не какой-нибудь вчера отпраздновавший совершеннолетие сын пекаря-лекаря, а легендарный (с каждым днем эта легендарность становилась в глазах Зигфрида все более неоспоримой!) Конан-киммериец.

И главное: скоро речушка его жизни найдет себе новое привольное русло – какое именно, укажет прорицание Фафнира. Без драконьего совета никак не понятно было Зигфриду, куда течь.

Хоть и был он сыном короля, но все-таки сыном младшим. И по законам наследования батавов, все отцовское имущество, его земли и трон отходили к Атаульфу (Конан называл Атаульфа «редкой сволочью», Зигфрид хоть и возражал для виду, но внутренне был с киммерийцем согласен.) Общественный уклад предоставлял Зигфриду некоторое количество достойных альтернатив – например, можно было стать епископом (Конан говорил «жрецом») или, допустим, друидом, можно – звездочетом, воином. Проблема была в том, что вариантов существовало чересчур много. Причем все они нравились энергичному и любознательному Зигфриду приблизительно в равной и достаточно высокой степени.

О мудрости и прозорливости Фафнира соотечественники Зигфрида были самого преувеличенного мнения. «Вот он пусть и решит...»

Два года назад Зигфрид уже ходил к Фафниру вместе с отцом. Батюшка алкали универсальных геополитических советов, чтобы и рыбку съесть, и с франками не рассориться. Королевичу было велено запоминать дорогу. Он послушался, благодаря чему теперь мог исполнять обязанности проводника (некоторые тропы он запомнил прямо-таки фотографически). Однако в святая святых, в пещеру, закрытую хитроумной механической дверью, где, собственно, и жил Фафнир, Зигфрида тогда не пустили. Возрастной ценз.

Сопровождая благожелательно-рассеянными кивками очередные излияния киммерийца, Зигфрид предавался опасениям: а вдруг он не сумеет справиться с механизмом двери? Королевич смутно помнил, что там должен быть какой-то ключ, а плюс к тому – еще и рычаг, который приведет в действие особую машину, созданную некогда знаменитым кузнецом Регином. Вода изольется из одного резервуара в другой, сила потока оживит приводной механизм, и дверь-великанша отворится.

Однако опасения оказались напрасными.

Дверь легко поддалась, Зигфрид и Конан вошли.

В пещере оказалось душно, запашно, жарко и даже светло – последнее обстоятельство обеспечивали мириады самоцветов, светящих, в полном соответствии со своим названием, самостоятельно – ими были густо усеяны стены. При виде этого великолепия Зигфрид едва сдержал вопль восторга. А вот духота, запахи и беспорядок оставили Зигфрида равнодушным. Откровенно говоря, в его горнице было немногим опрятнее. Жара даже порадовала – как ни храбрись он перед Конаном, как ни выставляй себя закаленным ледовитыми ветрами северянином, а за последний, особенно высокогорный день он промерз до мозга костей.

Зигфрид искоса посмотрел на Конана – тот сверкнул ответной улыбкой. Знать, тоже радовался теплу, свету, безопасности.

Да-да, Зигфрид чувствовал себя в полной безопасности. Для него Фафнир был чем-то вроде доброго прапрадедушки народа батавов, его народа – он существовал всегда, как небо и море, он все знает, он не допустит дурного и окажет содействие доброму.

Улыбка Конана успокоила Зигфрида – он хорошо помнил, как злился и возмущался киммериец давеча, когда Зигфрид отдал его меч вместе со своим на сохранение священному ясеню – оба клинка тотчас намертво вросли в его древесную плоть.

Там, возле ясеня, Зигфрид добрых два часа успокаивал беснующегося варвара (тот пытался вырвать свой клинок из плена; разумеется, безрезультатно). Объяснял, что к дракону нельзя с оружием. Такая, мол, традиция, иначе не примет и даже не покажется.

Тогда Конан вроде бы поверил и успокоился – мол, нельзя так нельзя. Будь Зигфрид повнимательней, он бы заметил, что помимо собственно меча Конан-киммериец всегда носил с собой кинжал.

Там, где ход разветвлялся на два коридора, пути Зигфрида и Конана разошлись. Вниманием киммерийца завладела статуя лежащего Фафнира, изваянная самим драконом из горного хрусталя при помощи когтей и зубов. Статуя стояла посреди просторного зала.

Зигфрид же вдруг явственно понял, как будто даже услышал каким-то потайным слухом – ему налево.

Он по-прежнему не испытывал страха, лишь нечто вроде ледяной щекотки в подвздошье, так однажды было с ним в церкви на Пасху и дважды, когда он смотрел исподтишка на купальщиц, затаившись в зарослях на берегу.

Соседний зал был освещен кое-как, зато там пахло... зелеными яблоками. Королевич остановился возле очередной хрустальной скульптуры – это было раскидистое дерево – и с придирчивостью дилетанта принялся ее разглядывать.

– Над этим изваянием я трудился столько же лет, сколько тебе от роду, – услышал Зигфрид.

– Кто со мной говорит? – спросил Зигфрид. Его голос дрожал.

– Кто-кто... скульптор, – мрачновато хохотнул дракон. – Задавай свой вопрос, малолетний сын Зигмунда. Да побыстрее. Меня ждет творчество.

– Хочу знать, какое... будущее... я могу выбрать, – сказал королевич. По непонятной причине его волнение все нарастало.

С минуту дракон молчал. В воцарившейся тишине Зигфрид будто бы расслышал какие-то звуки (яростные пререканья?), доносившиеся из отнорка, где он оставил своего буйного спутника. «И с кем он там бранится? Сам с собой?!»

Тревожно мигнули самоцветы. Зигфрид лихорадочно перебирал в уме все, что слышал от людей, удостаивавшихся драконьей аудиенции, – да-да, сказывали и про хрустальные статуи, раскиданные по подземному обиталищу, и про чудо-светильники, и про ложные запахи, упоминали даже странноватую манеру Фафнира подшучивать над посетителями и его нелепые проделки... «Может, как раз сейчас он готовится надо мной... подшутить?»

Однако дракон уже сменил глумливый тон на безразлично-деловой и принялся отвечать. Зигфрид заметил, что теперь вещий голос доносился откуда-то из кроны скульптурного дерева, словно дракон, обратившись синицей, глаголил из дупла.

– Тебя ждет судьба Ловца, королевич, – отчеканил Фафнир. – Так написано в книге жизни. Глава двести тысяч восемьдесят шестая, раздел три, второй абзац.

– Кого? Кого судьба?

– Ловца.

– Зверей?

– Для зверей ты слишком высокороден, королевич. Вот послушай же. Король – Ловец Власти, воин – Ловец Отваги. Маг – Ловец Стихий, судья – Ловец Справедливости...

– Понимаю, – сказал Зигфрид, хотя в действительности мало что понимал из-за волнения.

– Но не всяким Ловцом ты можешь стать. Ой не всяким... Так... Читаем... Ты можешь стать Ловцом Справедливости...

– Что для этого я должен сделать? – робко проблеял Зигфрид.

– Дабы стать Ловцом Справедливости, иди в Сирмий, ко двору царя гуннов Атли. Галло-римляне брешут о нем, как псы: он-де людоед, дикарь, животное. Правда же их слов лишь там, где называют они Атли Бичом Божиим. Но в том и справедливость, – говорил дракон, исподволь ускоряя темп речи. – Риторов и легистов Галлии забрал Атли силой. Академики Греции и гностики Азии идут к Атли самовольно, ценя его просвещенное правосудие и стоическую

умеренность. Великолепие гуннского двора прирастает лучшими умами рассветной стороны. Найдешь в Сирмии неоплатоника Валентиниана, некогда семь лет пробывшего в плену у свевов. Сможешь с ним объясниться – будешь учить справедливость по Кун Цзы и Катону. Станешь судьей над гуннами и федератами, поедешь в Равенну и Константинополь. Но домой ты уже не вернешься... Хочешь?

«Значит, Ловец Справедливости – это судья...» Жизнь судьи казалась ему до одури скучной (по крайней мере, именно такой она была у единственного известного ему судьи – кузена короля Зигмунда). Вдобавок пугала перспектива стать невозвращенцем...

– Не хочу! – взволнованно выкрикнул он.

– Не ори, пожалуйста, – попросил дракон скрипучим вредным голосом. – Так... Что тут у нас ниже... Дабы стать Ловцом Стихий, иди в Нибелунгенланд. Если дойдешь – считай себя везучим. В Нибелунгенланде найди Рюдеберг, на Рюдеберге разыщи озеро Нифльзее, Озеро Мрака. Если отыщешь – считай себя счастливым. По озеру плавает круглый корабль, обшитый кожей линдвурмов. Кораблем правит карлик Альбрих. Если он оставит тебя в живых – считай себя избранным. Скажешь Альбриху, что Фафнир ему кланяется. Карлик возьмет тебя в ученики. Через пять лет станешь фюрером над всеми тварями и духами озера Нифльзее. Через пятнадцать лет ты превзойдешь свою природу и сделаешься Ловцом Стихий. К людям ты уже не вернешься. Это второе...

– А дальше? Что там еще? – нетерпеливо спросил Зигфрид.

Идея учиться на озере ему нравилась – лепет волн, в прохладной вышине – птичьи крики, серебристые рыбы среди гладких камней... Но вот что учителем будет карлик... Карликов он раньше видел только однажды – когда из самой Равенны приезжали жонглеры. Там у них много чего было – зверинец, два сросшихся пупками человека, женщина с бородой...

Тем временем дракон продолжал:

– Если захочешь, можешь стать Ловцом Памяти, королевич. Твой отец вряд ли одобрит такой выбор, но...

– А кто это – Ловец Памяти? Какая это... профессия?

– Ловец Памяти может быть кем угодно. Скальдом, воином, ярлом, берсеркером, магом. Он может быть даже золотарем. Однажды Ловец Памяти подожжет один-единственный храм или будет распят на косом кресте. Он напишет «Метаморфозы» или сосчитает небесные сферы. И все это совершенно неважно, королевич. Важно лишь то, что он обязательно – обязательно! – запомнится. Войдя в мир, Ловец Памяти останется в нем навсегда. Как луна и звезды. Смерть его неизбежна, но память о нем нетленна. Потому и называется он Ловцом Памяти... Для этого тебе нужно...

Зигфрид задумался. Драконе говорил очень абстрактные вещи. Слишком абстрактные. И, даже не дослушав до конца, что же делать там, в столице нибелунгов Вормсе, куда он должен будет отправиться, чтобы стать Ловцом Памяти, Зигфрид перебил вешего дракона:

– О небеснорожденный Фафнир! Ты рассказал мне, кем я *могу* стать. Теперь скажи, кем я *должен* стать. Я тебя очень прошу...

– Вот же докучливый малый! – дракон, кажется, сердился. – Просил я твоих родичей раньше шестнадцатилетия тебя ко мне не присылать... По-хорошему просил... Так нет же! Все не терпится Атаульф у тебя пристроить... Что ты должен, знаешь только ты, королевич. Выбор – за тобой. Сделаешь, как тебе нравится. При чем тут я?

– А если я не знаю, как мне нравится?

– Значит, узнаешь потом, – устало вздохнул дракон. – Не обязательно выбирать сейчас, прямо здесь. Я, между прочим, проголодался, – уже не скрывая раздражения, сказал Фафнир. – Тебя тут учу, одновременно с твоим тупоголовым приятелем из Киммерии – торгуюсь...

«Это с Конаном», – смекнул Зигфрид.

– Ну чего ты застыл как истукан и глазами вращаешь? Представь себе: ты – путник. Перед тобой три дороги. Каждая из них прохожая, широкая. Кстати, все три ведут в одно место, но это в данном случае не играет роли...

– Какое место, господин Фафнир?

– Вообще-то к смерти.

– И что?

– По какой из трех дорог идти, выбрать должен ты.

– А если...

Но в этот момент из соседнего зала, где остался Конан, слышались громкие звуки возни, необычайный стрекот, шорохи и шарканья. Громкие голоса, как и прежде, неприязненно спорили о чем-то неразличимом. Зигфриду показалось, что он узнает боевитый бас киммерийца и глумливую интонацию дракона. Хрустальное дерево, до сих пор сиявшее мягким задушевым сиянием, заметно потемнело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.